

Подходы к понятию дискурса в романской лингвистике

Кузнецова Наталья Владимировна

Тихоокеанский государственный университет

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации

Аннотация

В рамках данной статьи автором предпринимается попытка проанализировать основные подходы к понятию дискурса в романской лингвистике в соответствии с антропоцентрической парадигмой языка.

Ключевые слова: дискурс, текст, речь, идеология, перлокутивный эффект, политкорректный дискурс

Approaches to the concept of discourse in Roman linguistics

Kuznetsova Natalia Vladimirovna

Pacific State University

Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Department of Romance-Germanic Philology and Intercultural Communication

Abstract

In the framework of this article, the author attempts to analyze the main approaches to the concept of discourse in Roman linguistics in accordance with the anthropocentric paradigm of language.

Keywords: discourse, text, speech, ideology, perlocutive effect, politically correct discourse

В работе анализируются различные подходы к пониманию «дискурса» в рамках романской лингвистики. Именно в лингвистике термин «дискурс» стал применяться в качестве самостоятельной категории. Бельгийский ученый Эмиль Бюиссанс включает в оппозицию язык/речь третий член – дискурс, являющийся механизмом перевода языка как знаковой системы в живую речь.

Антропоцентрическая парадигма языка, в рамках которой работает французский лингвист Эмиль Бенвенист, позволяет ученому рассматривать дискурс в качестве характеристики речи, присваиваемой говорящим. Согласно его утверждению, понимание дискурса может быть сведено к самой процедуре порождения речи говорящим. Следуя теории Э.Бенвениста, французская лингвистика понимает дискурс как эмпирический объект, побуждающий к размышлению об отношении между языком, идеологией и человеком.

Дискурс в целом противопоставлен тексту, он рассматривается как явление динамическое, как процесс, в то время как текст явление статическое, он является высказыванием, актуализированным в дискурсе. Текст может пересекаться со множеством дискурсов, каждый из которых соотносится с какой-либо ситуацией.

Философские концепции, развиваемые французскими философами структуралистами и постструктуралистами не изучали принципы устройства текста. Для французского философа Мишеля Фуко характерно изучение изменения способа видения предметов. Он считает необходимым рассматривать дискурс как первичное событие. Дискурс в целом не является нейтральным объектом исследования ученого. Фуко видит в нем также сферу власти, господства и борьбы различных интересов. Дискурс содержит в себе различные виды дискриминации. Этой мыслью он предвосхитил положение нидерландского лингвиста Тена ван Дейка о дискриминационном характере дискурса.

Дискурс является одной из сил господствующего общественного порядка, от которого исходит принуждение, оказывающее свое воздействие на области практического знания (как слепая вера в то, что терроризм и иммиграция это основное зло).

Отличие Мишеля Фуко от представителей структурной лингвистики заключается в том, что он исследует дискурс как самодостаточный феномен, не предполагающий внутренней структуры. Для философа важны исторические методы анализа.

Структуралисты основывают свою концепцию дискурса на том, что язык является универсальной матрицей, в которой зашифровано знание о мире. Если изучать структуру языка, то можно понять бытие человека и мира. В рамках структурной антропологии, французский исследователь Клод Леви-Стросс анализирует дискурсы первобытных мифов и приходит к выводу, что дискурс мифа является открытой структурой, поскольку мифические темы способны варьироваться до бесконечности.

Французские постструктуралисты рассматривали дискурс как некоторый образ мышления, идеологию и то, как она проявляется словесно. Постструктуралисты ставили перед собой задачу выявить мысли, намерения и желания говорящего на основании того, что он говорит и как.

Течение под названием «Анализ дискурса» сформировалось во Франции в 1970-х гг. Мишель Пеше понимал под дискурсом точку, в которой встречались язык и идеология, а дискурсивный анализ в целом это анализ идеологических аспектов использования языка и реализации в языке идеологии. Важно подчеркнуть мысль философа о том, что смыслы слов меняются в зависимости от классовых позиций в политической борьбе. Сам дискурсивный процесс представлен в качестве идеологических классовых отношений.

Благодаря идеям Мишеля Пешё в гуманитарных науках Франции укоренилась мысль о непрозрачности языка, которая служит непосредственной составляющей всякой языковой деятельности.

Современный подход к исследованию понятия дискурса предполагает также изучение создания перлокутивного эффекта.

Немецкий философ и социолог Юрген Хабермас рассматривает дискурс в качестве идеального вида коммуникации, который максимально отстранен от коммуникативной рутины. Целью такого дискурса становится уважение к собеседнику, к его индивидуальности. Для такого дискурса характерна замена одних языковых выражений на другие, что позволяет устранить болезненные, чувствительные моменты, унижающие человека. Такой вид дискурса выявляет основные цели политкорректного дискурса, который является «очищенным» вариантом языка, используемым для того, чтобы не дискриминировать некоторые группы, находящиеся в невыгодном социальном положении.

В целом, понятие дискурса неоднозначно трактуется французскими лингвистами и философами. Для лингвистов характерно понимание дискурса как динамического процесса, речи, присваиваемой говорящим. Основная черта, которая отличает дискурс от текста заключается в его развертывании во времени, погруженности в жизнь. Французские философы видят в дискурсе определённый образ мышления, который использует язык для реализации своей идеологии.

Дискурс является многозначным термином ряда гуманитарных наук, предмет которых прямо или опосредованно предполагает изучение функционирования языка, – лингвистики, литературоведения, семиотики, социологии, философии, этнологии и антропологии.

Именно в лингвистике этот термин стал впервые применяться в качестве самостоятельной категории. Само слово происходит от лат. *discere* – «обсуждать, переговариваться; отклоняться от курса, убежать прочь». В среднефранцузском существительное *discourse* среди знатных людей перешло в возвышенный регистр и стало означать высокую устную речь и даже приобрело оттенок «говорить о вещах общественных так, как это соответствует их природе».

Основной вклад в развитие теории дискурса привнесли структуралисты. Термин возник в связи с переосмыслением сосюрговской дихотомии «язык - речь»: «Одним из первых ввел в обиход специфическое понятие дискурса бельгийский лингвист Э. Бюиссанс, включивший в сосюрговское противопоставление языка и речи... новый член: *langue* – *discours* – *parole*, «где *langue* – система, некая отвлеченная умственная конструкция, *discours* - комбинации, посредством реализации которых говорящий использует код языка (то есть сема), и *parole* – механизм, позволяющий осуществлять эти комбинации (то есть семический акт)». Таким образом, под дискурсом подразумевается механизм перевода языка как знаковой системы в живую речь.

В соответствии с антропоцентрической парадигмой языка, предложенной Э. Бенвенистом во второй половине XX века, стало возможным рассмотрение дискурса как «функционирования языка в живом общении». В 50-е годы XX века Эмиль Бенвенист, разрабатывая теорию

высказывания, последовательно применяет традиционный для французской лингвистики термин «discours» в новом значении – как характеристику «речи, присваиваемой говорящим» [1, с.296]. Поэтому понимание дискурса может быть сведено к самой процедуре порождения текста говорящим. В теории Э. Бенвениста дискурс противопоставлялся объективному повествованию (*recit*), вследствие этого понятие дискурса было распространено на все виды прагматически обусловленной и различающейся по своим целеустановкам речи. Опираясь на понятие дискурса, ученый противопоставлял его как процесс системе: «Вместе с предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, мир языка как орудия общения, выражением которого является дискурс» [1, с.129-130]. Развивая мысль о процессуальном характере дискурса, он писал, что высказывание есть: «индивидуальное преобразование языка в дискурс», причем производится именно «высказывание, но не текст высказывания» [1, с. 12-13].

Следуя теории Э. Бенвениста французская лингвистика понимает дискурс как такой эмпирический объект, который побуждает к размышлению об отношении между языком, идеологией и человеком [2, с. 27].

Так, П. Серио выделяет восемь значений термина «дискурс»:

- 1) эквивалент понятия «речь», т.е. любое конкретное высказывание;
- 2) единица, по размерам превосходящая фразу;
- 3) воздействие высказывания на его получателя с учетом ситуации;
- 4) беседа как основной тип высказывания;
- 5) речь с позиции говорящего в противоположность повествованию, которое не учитывает такой позиции;
- 6) употребление единиц языка, их речевая актуализация;
- 7) социально или идеологически ограниченный тип высказываний, характерный для определенного вида социума;
- 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследований производства текста [2, с. 26-27].

В совместной работе А. Греймаса и Ж. Куртэ «Семиотика. Объяснительный словарь теории языка» рассматриваются одиннадцать употреблений понятия дискурса. При этом текст противопоставляется дискурсу и выступает как высказывание, актуализированное в дискурсе, как продукт, как материя, с точки зрения языка, тогда как дискурс есть процесс [3, с. 14]. Такое понимание природы текста и дискурса, то есть трактовка текста как чего-то «более материального», чем дискурс, вероятно, уходит своими корнями в латынь, где «*discursus* был именем действия, а *textus* – именем предмета, результата действия» [4, с. 49]. Ж. Куртэ понимает под дискурсом многокомпонентное целое, которое создается множеством специально отбираемых и сочетающихся определенным способом языковых единиц, служащих строительным материалом для «речевых актов, являющихся актами коммуникации, <...> как частей определенной глобальной целостности» [5, с. 28].

Понимание текста и дискурса как результативной и процессуальной сторон речевой деятельности, соответственно, отражено и у П. Шародо. По его мнению, текст – это «воплощение, наглядное изображение другой речи»; «это неповторимый, единичный результат процесса, зависящего от говорящего и от условий речепроизводства». При этом П. Шародо отмечает, что текст пересекается с множеством дискурсов, каждый из которых, в свою очередь, принадлежит к какому-то жанру и соотносится с какой-то ситуацией» [6, с. 69]. В общих чертах дискурс представляется П. Шародо в виде суммы таких слагаемых, как «высказывание» и «коммуникативная ситуация» [6, с. 28].

Философские концепции дискурса не связаны с изучением принципов устройства текста. В построении теории дискурса М. Фуко вопросы о пользователях языка или конструктах бытования языка (речепроизводстве, связности, адекватности, а также понимании текста) полностью отсутствуют. В своей программной речи «Порядок дискурса» М.Фуко дает специфику своего подхода к исследованию дискурса: «Фундаментальные понятия, которые сейчас настоятельно необходимы, — это уже не понятия сознания и непрерывности (с соответствующими проблемами свободы и причинности), равно как не понятия знака и структуры. Это — понятия события и серии с игрой сопряженных с ними понятий: регулярность, непредвиденная случайность, прерывность, зависимость, трансформация. Благодаря такому набору анализ дискурсов, о котором я думаю, сочленяется... с реальной работой историков». [7, с. 81 – 82]. Чуть ниже он характеризует и то изменение «способа видения предметов», который составляет основу его подхода к исследованию дискурса: «Так что если задаешься целью осуществить в истории идей самый малый сдвиг, который состоит в том, чтобы рассматривать не представления, лежащие возможно, за дискурсами, но сами эти дискурсы как регулярные и различающиеся серии событий ...» [7, с. 83 – 84].

Переходя к характеристике ключевого для концепции М. Фуко понятия дискурса, можно сказать, что дискурс выступает как «синтаксический» объект, как некоторая «языковая форма». Причем, в этом аспекте отнюдь не случайно сходство интересов к анализу именно «синтаксических» феноменов у Фуко и его современников, например Ж. Деррида, обозначившего свой подход как «грамматология». Существенный для Фуко «сдвиг» в понимании дискурса связан с тем, что дискурс необходимо рассматривать как первичное «событие», предопределяющее «бытие» других, не-синтаксических феноменов. В частности, можно поставить под сомнение в качестве первичных такие прагматико-семантические объекты, как «автор», «текст», «произведение»..., что и делает М. Фуко.

Поле дискурса для Мишеля Фуко не является нейтральным объектом исследования. Фуко видит в дискурсе также и сферу власти, господства и борьбы различных интересов. Дискурс всегда ограничивает, согласно Фуко, число участвующих в нем индивидов. Он предельно ритуализирован и содержит в себе различные виды дискриминации. От него "отлучают" на

основании различных принципов и требований: одни высказывания отвергаются как "безумные", другие – как ложные и т.д.

Дискурс, следовательно, выступает как одна из составных частей господствующего общественного порядка, от которого в свою очередь исходит принуждение, оказывающее свое воздействие и на сферы знания, и на области практической жизни. "Знание как результат коммуникации, селекции и аккумуляции в той же мере покоится на технических приемах власти, в какой оно само есть предпосылка употребления власти" [7, с. 137].

При кажущейся схожести со взглядами французских структуралистов Фуко нельзя отнести к представителям этого течения, поскольку, если вместе с ними, он борется против господства «субъекта», то, в отличие от них, он исследует дискурс как самодостаточный «внешний» феномен, не предполагающей под ним «внутренней» семантической подкладки в виде «структуры». В отличие от преобладания в структурализме «синхронных» методов анализа, для Фуко более важны «диахронные» (исторические) методы анализа.

Что касается представителей структурной лингвистики, то в основе структуралистской концепции языка лежала идея о том, что язык выступает универсальной матрицей, в которой зашифровано знание о мире. Изучение структуры языка – ключ к изучению бытия человека и мира. Первыми опытами лингво-структурного подхода к анализу дискурса стали работы французского исследователя Клода Леви-Стросса. Ученый исследовал дискурс первобытного мифа. Анализируя древние мифы с позиций структурного подхода, Леви-Стросс пришел к выводу, что дискурс мифа представляет собой открытую структуру, поскольку «мифические темы способны варьироваться до бесконечности» [8, с. 216].

Другое значение термина «дискурс», которое часто можно встретить в современных средствах массовой информации, было предложено французскими постструктуралистами в 1960-е гг. В этом употреблении дискурс означает некоторый образ мышления, идеологию и то, как она проявляется словесно. Часто люди, которые интересуются дискурсом в этом смысле слова, ставят задачу выявить, что думает говорящий, на основании того, как он говорит. Анализ дискурсивного поля в постструктурализме производится «в отсутствие» трансцендентального субъекта, что на концептуальном уровне выражается в методологическом подходе, получившем наименование «смерти субъекта» [9, с. 10].

Традиция, получившая название «анализ дискурса», сформировалась во Франции в середине 1970-х гг. Возникновение этого течения связано с разрывом единой программы французских «левых». М. Пешё обнаружил тесную связь вопроса о субъекте дискурса с вопросом об «обращении» субъекта в идеологии и поиском соотношения с субъектом бессознательного. Основными понятиями «анализа дискурса» стали «интердискурс» (дискурс происходит из дискурсивного всегда-уже-здесь существовавшего), «преконструкт» («оно говорит» всегда «до», «вне» и независимо) и «интрадискурс» (неутверждённая предикация предшествует утверждённой и

господствует над ней). В «Автоматическом анализе дискурса» Пешё предпринял критику гуманитарных и общественных наук. При этом он утверждал, что дисциплины, сосредоточенные на психологическом субъекте и при этом не признающие своей связи с идеологией, не имеют права называться научными. Исследование Пешё должно было стать «машиной для чтения», освобождающей процесс чтения от субъективности, что предполагало разработку теории дискурса, способной стать общей теорией производства эффектов значения в тесной связи с теорией идеологии и учением о бессознательном. Дискурс, считает Пешё, не следует отождествлять ни с эмпирической речью, производимой субъектом, ни с текстом. Дискурс у Пешё — сосюрская речь (с присущей ей дихотомией «язык/речь»), освобождённая от субъективных импликаций. Это — система, несводимая ни к лингвистическому порядку, ни к порядку психологическому, т.е. к свободному картезианскому субъекту. Значение текста, утверждает Пешё, конституируется только в соответствии с условиями его производства и толкования.

Таким образом, текст не формируется связующими его элементами. Такой ход размышлений приводит Пешё к созданию концепта интердискурса. Этот подход порождает и критическое отношение автора к слишком широкому использованию понятий лингвистики в гуманитарных науках. Лингвистика игнорирует общественные отношения, а потому не может стать наукой о человеке. Эта критика распространяется и на структурализм, претендующий на роль универсального метода гуманитарных и общественных наук. Пешё предлагает собственную альтернативу — «дискурсную семантику», не выводимую исключительно из лингвистики. Связь между «значениями» конкретного текста и социально-историческими условиями возникновения этого текста как раз и конституируют сами эти значения, считает Пешё.

Дискурс эксплицитно связан с идеологией, а идеологические формации содержат в своём составе формации дискурсные. Связь языка с идеологией к началу 1970-х представлялась большинству французских интеллектуалов несомненной. В то же время, метод «автоматического анализа» позволял Пешё «взорвать» целостность пишущего или читающего субъекта, что в очередной показывало, что идеология превращает индивидов в субъектов. Субъект сам по себе не является уникальным; он производит уникальное только в связи с языком. Точно так же язык становится уникальным лишь в связи с субъектом. Это и есть эффект идеологии.

М. Пешё сформировал концепт преконструкта, который обозначает точку схождения дискурса и языка. Синтаксические структуры, допускающие существование элементов дискурса, представляют собой следы предшествующих конструкций, т.е. комбинации языковых элементов, сформированные в «прошлых» дискурсах. Преконструкт представляет собой «сырьё» для «дискурсных формаций», и именно с ним для субъекта связывается эффект очевидности: «Мы можем рассматривать эффект преконструкта как дискурсную разновидность расхождения, посредством

которого к индивиду обращаются как к субъекту... при том, что он «всегда—уже- субъект» [10]. Порождение эффекта значения внутри дискурсивной формации приводит к т.н. «эффекту Мюнхгаузена» — иллюзии субъективности, представляющей дело таким образом, будто субъект и есть источник смысла [10].

Дискурс, с точки зрения Пешё, – это *точка, где встречаются язык и идеология*, а дискурсивный анализ – это анализ идеологических аспектов использования языка и реализации в языке идеологии. Смыслы слов меняются в зависимости от классовых позиций в политической борьбе. Дискурсивный процесс рассматривается Пешё как часть идеологических классовых отношений. В лингвистических терминах дискурсивный процесс описывается им как система отношений парафраз (пересказываний), синонимии и метонимии с идеологическими символами. При этом идеологические структуры рассматриваются как связка между индивидуальными и универсальными (социальными) моментами в дискурсе.

Идеи М. Пешё оказали сильнейшее влияние на гуманитарные науки нашего времени. Конечно, сегодня уже невозможно принимать их в неизменном виде. Однако в гуманитарных науках Франции отныне укоренилась, став центральной и устойчивой, мысль о непрозрачности языка, и эта непрозрачность отнюдь не является недостатком, а *rigor* подлежащим уничтожению; напротив, эта непрозрачность служит непосредственной составляющей всякой языковой деятельности.

На современном этапе исследования представляется целесообразным понимание текста как одной из форм (сторон) дискурса, как его промежуточного результата: конечной целью дискурса является не создание текста как такового, а достижение перлокутивного эффекта. Именно этот эффект и преследуют политики, порождающие дискурсы убеждения и аргументации.

Существует еще одно понимание термина дискурса, оно связано с именем немецкого философа и социолога Юргена Хабермаса. Ученый понимает под «дискурсом» особый идеальный вид коммуникации, осуществляемый в максимально возможном отстранении от социальной реальности, традиций, авторитета, коммуникативной рутины и т.п. и имеющий целью критическое обсуждение и обоснование взглядов и действий участников коммуникации.

Данный вид коммуникации можно связать со ставшим популярным политкорректным дискурсом, который ставит своей основной целью профилактику конфликтов в поликультурном обществе – между черными и белыми, между мужчинами и женщинами и т.д. – путем установления специальных норм речевого этикета, прежде всего, употребления особого языка, содержащего исключительно выражения, которые будут эмоционально положительно восприняты представителями всех или большинства групп адресатов, и табуизации целого ряда слов и выражений, которые могут привести к негативным ассоциациям.

Из вышеперечисленного явствует, что на сегодняшний день нет точных критериев определения дискурса. Четкого и общепризнанного определения «дискурса», охватывающего все случаи его употребления, не существует. Это понятие модифицирует традиционные представления о речи, тексте, диалоге, стиле и даже языке.

Библиографический список

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Эдиториал УРСС, 2009. 448 с.
2. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса / Пер. с франц. и португ. М.: Прогресс, 1999. С. 14-53.
3. Greimas, A. Sémiotique. Dictionnaire raisonné de la théorie du langage / A. Greimas, J. Courtes. Paris: Hachette, 1979. 389 p.
4. Демьянков В.З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. В.Н. Топоров. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34–55.
5. Courtes J. La grande traque des valeurs textuelles: Quelques principes liminaires pour comprendre la GT // Le français dans le monde. 1985. № 192. P. 28–34.
6. Charaudeau P. Langage et discours. Paris: Hachette, 1983. 176 p.
7. Фуко М. Порядок дискурса. Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. Пер с франц. М., Касталь, 1996.
8. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. 536 с.
9. Дьяков А.В. Философия пост-структурализма во Франции. Нью-Йорк: Северный Крест, 2008. 364 с.
10. Пешё М. Прописные истины: (Лингвистика, семантика, философия.). Пер.Л.А. Илюшечкиной // Квадратура смысла, 1975. 262 с.